

Взойдя на престол, Чжао Цзи видел перед собой лишь одну задачу — навести порядок внутри Великой Сун.

Все его решения сводились к одному: урезать влияние великих кланов, поддержать молодых реформаторов, успокоить консерваторов старой закалки, как-то сгладить вред от раздутого штата чиновников и, главное, облегчить бремя крестьян. Последнее было жизненно важно — только так можно было избежать череды народных бунтов, которые в будущем должны были обескровить угасающую династию.

Но даже от этих забот у него голова шла кругом.

Трон под ним качался. Единственной его опорой была вдовствующая императрица Сян, которая и помогла ему сесть на царство. Но палка эта была о двух концах: раз уж матушка сумела возвысить его, то, начини он слишком усердствовать, она без колебаний вышвырнет его вон.

Ещё хуже обстояли дела с людьми. Из бывших приспешников князя Дуаня, чьи имена всплывали в памяти, каждый первый был отпетым мерзавцем, чьё имя в веках должно было остаться синонимом подлости. А те, кто мерзавцами не были, оставались для него безликой массой с неясными талантами. Единственный самородок, которого удалось откопать — Цуй Мин, — и тот безвременно сошёл в могилу, словно оправдывая своё имя.

При этом приходилось усердно держать лицо — разыгрывать прежнего праздного повесу, чтобы никто во дворце не заподозрил неладное. Напоследок, заботясь о культурном наследии потомков и не желая, чтобы истинные шедевры канули в лету, он тратил силы на то, чтобы выуживать из глуши гениальных художников и каллиграфов, которых когда-то привлекал настоящий Чжао Цзи.

Единственным светлым пятном во всём этом хаосе стала встреча с Ли Сюньхуанем — живым воплощением книжного героя.

Беда в том, что стоило одному плоскому персонажу обрести плоть и кровь в трёхмерном мире, как плотину прорвало. Начался суший парад оживших выдумок. Того и гляди, со всех сторон ползут новые чудовища — вот уже и посланники с горы Белого Верблюда вовсю крутятся перед глазами, назойливо заявляя о своём существовании.

Чтобы просто продержаться до сего дня, он выложился без остатка. Но сегодня стало ясно: мыслил он слишком мелко.

Западное Ся, Дали, Западные земли, Ляо, Корё...

Каждое из этих государств могло стать смертельным капканом на его пути сквозь смуту поздней Северной Сун. Истинному монарху полагается видеть всю шахматную доску Поднебесной и сопредельных земель. Но Чжао Цзи этим даром не владел.

Если вдуматься, даже на пике своего могущества Сун никогда не была сильнейшей державой. Не продержись Южная Сун так долго, не прими Западное Ся на себя первый удар степной конницы, не сгинь государство Ляо так рано, да продержись Цзинь подольше — эту историческую эпоху в учебниках вполне могли бы назвать эпохой Ляо, а вовсе не Сун.

Сильной и грозной армия Сун была разве что при основателях династии, а потом империя послушно признала себя «младшим братом» могущественного Ляо. Что уж говорить о Западном Ся на западных рубежах, стычки с которым вспыхивали каждые несколько лет.

До сегодняшнего дня обманчивое затишье на границах усыпляло бдительность. Чжао Цзи наивно полагал, что латать дыры во внутренней политике — это и есть предел сложности, его личный филиал ада.

Сегодня реальность с размаху опустила ему на лоб тяжёлый молот, сорвав фальшивый покров с бурлящего омуты внешней политики. Жизнь словно усмехнулась: «Какая наивность. Это была лишь пробная игра на среднем уровне. Настоящий кошмар только начинается».

Не успели внутренние дела войти в колею, как перед ним встала жестокая правда: Поднебесной грозит не только внутренняя смута, но и сокрушительное вторжение извне.

Но больше всего Чжао Цзи удручало даже не то, что пришлось спешно вникать в тонкости внешней политики. Его ужасал колоссальный, неподъёмный объём работы, который за этим скрывался.

Допустим даже, Сяо Цзю ошибся, и покончивший с собой соглядатай был не чужеземным шпионом, а обычным бродягой из местных цзянху. Но это никак не отменяло того, что северные рубежи останутся его главной головной болью и сегодня, и завтра.

Согласно его историческим познаниям, именно в эти годы чжурчжэньский клан Ваньянь должен поднять восстание.

В его прежнем мире сунский двор, польстившись на шестнадцать округов Яньюнь, заключил сделку с вождём Ваньянем и помог чжурчжэням восстать против Ляо.

Чжурчжэни заветные земли вернули, это правда. Вот только, сокрушив Ляо одним махом и набравшись сил за пару лет затишья, они обрушились на вчерашнего союзника и принялись забивать его до смерти. Обширные владения Северной Сун сжались до крошечной Южной Сун, а Восточная столица Кайфэн пала под копытами вражеской конницы.

Зная этот сценарий наперёд, Чжао Цзи был обязан уже сейчас продумать, как встретить чжурчжэньских послов, когда те явятся к его двору. И, что ещё важнее, к этому моменту он должен крепко держать в руках бразды правления.

Иначе, когда грянет гром, на любое его предложение толпа упрямых старцев дружно затаит: «Ваше Величество, сие решение неблагоприятно». И толку от всех его планов не будет никакого.

Так как же прибрать власть к рукам?

Выход один — вкалывать ещё усерднее.

Чжао Цзи:

—...

Он понимал, что придётся несладко, и был к этому готов. Но никто не предупреждал его, что пахать придётся за десятерых! Да катись оно всё к чертям собачьим!

Погрузившись в уныние, Чжао Цзи позволил себе минутную слабость. Пользуясь тем, что массивный письменный стол скрывал его от чужих глаз, он сполз по драконьему трону, вытянув ноги и замер безвольной тушкой. Спустя пару вздохов он рывком выпрямился, прогоняя тоску и принимаясь за привычное самовнушение.

"Не кисни, держись. Главное — выжить, а там прорвёмся"

Его маленькая слабость длилась всего несколько мгновений. Он был уверен, что за массивной столешницей ребячество осталось незамеченным для стоявших в отдалении придворных.

Однако император просчитался, позабыв о единственном человеке, который всё ещё стоял перед ним на коленях.

Сяо Цзю склонил голову к самому полу, но угол зрения позволял ему отлично видеть всё, что творилось под столом. Наверху юный владыкя являл собой образец величия и строгости, но внизу, скрытые от посторонних глаз, его расшитые золотом сапоги вели себя совершенно вольно. Пользуясь преградой, Его Величество сперва развернул стопы друг к другу, затем завалил щиколотки набок, расставив колени колесом, точно деревенский старик на теплой печи, да еще и лениво покачал ногами из стороны в сторону.

И пусть император быстро опомнился и принял благопристойный вид, Сяо Цзю успел разглядеть эту картину во всех подробностях.

Заметив эту тайную шалость, коленопреклоненный Сяо Цзю мысленно улыбнулся. Конечно, будучи человеком своей эпохи, он не знал современных слов вроде «мило», но этот маленький император стал казаться ему ещё более занимательным.

Вернув ногам подобающее положение, Чжао Цзи мысленно дал себе встряску.

"Главное — без паники. Нужно разбить большую проблему на несколько мелких и решать их поочередно, шаг за шагом"

Ещё когда Хань Чжунянь предложил рассказать министрам о делах цзянху, в голове Чжао Цзи начал складываться смутный план касательно банды Денежного Листа.

Пусть замысел и был сырым, а исход оставался неясным, времени на раздумья не оставалось. Приходилось рисковать.

В случае успеха он не просто покончил бы с бандой Денежного Листа, а подчинил бы её себе, попутно ослабив натиск столичных кланов.

Но для воплощения этой затеи ему требовалось надёжное прикрытие в мире рек и озёр и верный человек, способный действовать в тени. К несчастью, у него не было ни того, ни другого.

Император едва не застонал от досады. Кадры! Ему катастрофически не хватало людей!

Окажись небеса благосклонны, они бы послали ему верных помощников.

Он ведь не просил многого — всего троих.

Первый — проницательный советник, мыслящий государственными масштабами. У господина Бая на уме были лишь собственные выгоды, далеко с ним не уедешь.

Второй — новый правитель Кайфэна, наделённый острым умом и способный распутывать сложные дела. Нынешний судья, Чжао Цянь, оказался бесполезнее самого Чжао Цзи. Этот бездельник, смевавший пить прямо во время службы, не годился даже на роль талисмана — у тех хотя бы вид миловидный, а от этого маркиза вреда было куда больше, чем пользы.

И третий — сильный телохранитель, способный навести порядок среди дворцовой стражи и защитить покой государя. Пока что самым грозным бойцом в этих стенах оставался сам император, от чего Чжао Цзи становилось не по себе. Он резонно задавался вопросом: случись беда, это стража будет его защищать или он её?

Кое-какие детали плана следовало скрыть от Ли Сюньхуаня — по сути, император собирался

использовать его втёмную. Готовясь заговорить, Чжао Цзи впервые ощутил лёгкую робость перед своим кумиром.

Он вновь потербил кончики пальцев и, отослав слуг, принял нарочито строгий вид.

— Сяо Цзю высказал лишь предположение, однако упускать из виду цзянху нельзя, — заговорил Чжао Цзи. — Разумней в мире рек и озёр, у какого из строго дисциплинированных кланов принято оставлять татуировку на лопатке.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — отозвался Ли Сюньхуань.

Уголок губ Чжао Цзи неловко дёрнулся — он хотел ободряюще улыбнуться, но вовремя сообразил, насколько натянуто это выглядит. Придав лицу бесстрастное выражение, он как бы невзначай спросил:

— Кто в столице знает обо всём, что творится в мире? У кого самые длинные уши?

— Ваше Величество, знаток тайн цзянху, Байсяошэн, как раз сейчас гостит в столице. Он остановился в трактире «Юэлай» в восточной части города.

— Казна покрывает любые расходы, — оживился император. — Сколько потребуется?

— Если вам нужны лишь достоверные сведения, то вместо Байсяошэна лучше обратиться в Павильон Небесных Тайн.

— И где их искать?

— Полагаю, там же, в «Юэлае».

Проявляя живой интерес, Чжао Цзи спросил:

— И как же у них покупают сведения?

— В трактире «Юэлай» нужно разыскать слуг по имени Ван Пятый или Цянь Шестой и сказать им заветные слова: «Рыба идёт на нерест». В ответ они выдадут шесть жетонов. Первые три предназначены для расспросов о кланах, остальные три — о конкретных людях. Те и другие делятся на высшие, средние и низшие. Высший открывает самые подробные сведения, остальные — попроще. Получив жетон, гость следует за слугой в потайную комнату.

Чжао Цзи мысленно повторил про себя весь порядок действий. Едва Ли Сюньхуань умолк, император перешёл к главному:

— Скажи, есть ли среди твоих знакомых или просто известных тебе мастеров те, кто согласился бы временно послужить престолу? Кто-то с незаурядным мастерством, способный помочь мне в это беспокойное время?

Ли Сюньхуань на миг задумался и вдруг тихо фыркнул. Спohватившись, что нарушает дворцовый этикет, он поспешно стёр улыбку с лица и повинулся:

— Простите мне мою вольность, Ваше Величество. Мне вспомнился один приятель. В искусстве лёгкости он, пожалуй, уступит лишь двоим во всей Поднебесной. Воин он отменный, умом не обделен, к тому же невероятно общителен и души не чает в новых знакомствах. Но главное — он просто обожает совать нос в чужие дела.

"Любитель совать нос в чужие дела? И входит в тройку лучших мастеров лёгкости?"

Чжао Цзи прищурился, уловив знакомое описание:

— И как же зовут сего достойного мужа?

— Лу Сяофэн, — спокойно ответил Ли Сюньхуань. — Тот самый, четырёхбровый Лу Сяофэн.

Глаза Чжао Цзи округлились от восторга.

— Немедленно призови своего друга в столицу! — выпалил он.

— Полагаю, сейчас он гостит у семьи Хуа в Цзяннани. Я напишу ему сию же секунду.

Душа императора запела от восторга! Давно угасший пыл преданного поклонника вспыхнул с новой силой, и он без малейших колебаний переключился на другого любимого героя:

— В письме ненароком спроси, не желает ли младший господин Хуа Маньлоу составить ему компанию и навестить Кайфэн?

Хуа Маньлоу был настоящим божеством в мире боевых искусств, из тех, на кого молятся преданные почитатели. Да и вообще, все мужчины из рода Хуа заслуживали стать кумирами поколений. В порыве фанатского восторга Чжао Цзи едва не наделал глупостей. Вовремя одумавшись, он понял: если приглашение исходит от императора, оно, пусть даже в мягкой форме, прозвучит как приказ. Это испортило бы всё впечатление.

— Постой, — вздохнул он с явным сожалением. — Не нужно. Спроси только о Лу Сяофэне.

Ли Сюньхуань поклонился, принимая повеление.

— И ещё одно, — спохватился Чжао Цзи. — В нашу первую встречу, если не брать в расчёт твоё чутьё на дыхание и внутреннюю силу, заметил ли ты во мне иные изъяны?

Опытный воин не заподозрил подвоха и, тщательно взвесив воспоминания, ответил:

— Очертания шеи выдавали вас. Голос, хоть и походил на женский, временами слегка дрожал. Причёска казалась неестественной, а походка — излишне скованной, нетипичной для дам, привыкших носить длинные подолы.

Выслушав этот длинный перечень своих промахов, Чжао Цзи мысленно намотал всё на ус.

— Что-то ещё? — не унимался он.

— Более ничего, Ваше Величество, — качнул головой собеседник.

Выведав всё, что требовалось, Чжао Цзи поспешил отпустить Ли Сюньхуаня. Бедный жених ещё мог успеть к свадебному обряду и не упустить счастливый час, если, конечно, поторопится.

Оставшись в одиночестве под сводами Зала Гражданской Добродетели, император потратил около четверти часа, дорабатывая свой замысел. Когда план окончательно созрел, Чжао Цзи взглянул на водяные часы и, поняв, что у него ещё осталось немного времени, вновь погрузился в чтение бесконечных докладов и прошений.

Настоящий, закалённый офисный раб познаётся именно по этому неистребимому стремлению трудиться до седьмого пота безо всяких понуканий.

<http://bllate.org/book/18987/1934369>